

Сегодня Цзян Янь пригласил его на обед и даже сам испек торт, поэтому Сюй Ци понимал, что вести себя так грубо с его стороны было излишне. Он невольно подумал: на самом деле было бы даже лучше, если бы Цзян Янь разозлился, отругал его, назвал неблагодарным и неспособным оценить чужую заботу. Если не отругал, то хотя бы упрекнул.

Но Цзян Янь лишь рассмеялся; хотя Сюй Ци всего-то пренебрежительно хмыкнул, на лице того отразилась такая радость, будто его только что похвалили:

— Главное, что тебе не противно.

Когда с едой было покончено, Цзян Янь наконец достал торт из коробки и пододвинул к нему. Маленький десерт выглядел вполне пристойно – пусть и не так изысканно, как в кондитерской, но было видно, что создатель вложил в него душу: крем был нанесен очень старательно, а сверху ярко-желтым джемом была нарисована мордочка собачки.

«Довольно мило... только трудно представить, как Цзян Янь выводит эти узоры на торте...»

Сюй Ци взял нож и вилку, но на мгновение почувствовал, что у него рука не поднимается это разрезать.

Цзян Янь и не думал помогать; он просто подпер подбородок рукой и смотрел на него взглядом, полным надежды.

Казалось, начини он колебаться еще дольше – и Цзян Янь обеспечит «полный сервис»: сам разрежет и покормит его с ложечки. Сюй Ци пересилил себя, разрезал торт и, не слишком ловко подцепив кусочек вилкой, отправил его в рот.

Глаза Цзян Яня сощурились еще сильнее; с каждым жевательным движением Сюй Ци его улыбка становилась все слаще, отчего у Сюй Ци возникло безотчетное ощущение, будто он ест не именинный торт, а свадебный.

«Ну почему он такой... приторный...»

У него была своего рода аллергия на романтику, от которой лицо начинало гореть.

Как назло, Цзян Янь будто что-то вспомнил и хлопнул в ладоши:

— Точно.

Сюй Ци только проглотил кусок, как Цзян Янь снова хлопнул в ладоши:

— Нужно же спеть поздравительную песню.

Сюй Ци чуть не поперхнулся и вытаращил глаза, а Цзян Янь уже начал:

— С днем рож-де...

По какой-то необъяснимой причине такая обыденная вещь, как песня на день рождения, заставила Сюй Ци вспыхнуть до корней волос. В голове внезапно стало пусто; не в силах вымолвить ни слова, он в порыве смущения резко вскочил и зажал ладонью рот Цзян Яня.

В комнате мгновенно воцарилась тишина.

На виду остались только глаза Цзян Яня – он смотрел невинно и растерянно. Сюй Ци и сам не

понимал, что творит; от неловкости хотелось провалиться сквозь землю. С трудом сохраняя невозмутимый вид, он напустил на себя напускное спокойствие и произнес:

— Не надо петь. Важно само намерение.

«Как же хочется лизнуть его руку», – эта мысль промелькнула и тут же была привычно подавлена Цзян Янем. Внешне он ничем себя не выдал и лишь послушно кивнул.

Раньше у них с Сюй Ци было много тактильных контактов. Сюй Ци обнимал его за плечи, ерошил волосы, иногда щипал за щеку и смотрел на него с широкой, открытой улыбкой. Цзян Янь тогда всегда реагировал с задержкой, потому что кожа Сюй Ци казалась ему горячей, как солнечный свет; стоило тому прикоснуться, как след от этого касания, казалось, оставался на теле навсегда, и он невольно продолжал смаковать это мимолетное ощущение.

А нынешний Сюй Ци всего лишь прикрыл ему рот ладонью – и так покраснел.

Так непривычно. Так мило.

Сюй Ци убрал руку, и Цзян Янь непроизвольно облизнул губы, словно пытаясь уловить оставшийся на них вкус.

Чтобы скрыть замешательство, Сюй Ци сел и уткнулся в торт, не заметив этого жеста, что позволило Цзян Яню безнаказанно разглядывать его.

Рассматривать пунцовые уши и это выражение лица – смесь досады и смущения.

— Вкусный торт? — спросил он.

— ...Вполне, — ответил Сюй Ци.

У Цзян Яня на душе заскребли кошки от нежности, и он снова облизнул губы. В нем внезапно проснулся голод иного рода; он всегда потакал своим желаниям, поэтому встал и бесшумно подошел к Сюй Ци.

Тот был так погружен в свои сумбурные мысли, что совершенно не обращал внимания на происходящее вокруг и даже не заметил, как Цзян Янь подошел.

Внезапно он услышал над самым ухом:

— Дашь мне кусочек?

Цзян Янь уже сидел на корточках рядом с ним и, словно большой пес, выпрашивающий лакомство, смотрел на него глазами, полными надежды.

В этот миг мысли Сюй Ци окончательно спутались. Он ошеломленно уставился на Цзян Яня, сердце бешено колотилось в груди. Спустя мгновение в голове пронеслось: «Не надо было сюда приходить».

Открыт всего один «волшебный мешочек», а он уже почти сдался?